

Ю. Кальмер

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ РУСИ

J. Callmer. The Earliest Archaeology of the Rus'.

This article is dedicated to a study of foundation of Rus'. The author used archaeological findings in the Baltic basin, toponymy and hydronymy, as well as linguistic data to restore the developments from the middle of the first millennium till IX century A. D., the least studied period in the history of the Ancient Rus'. First of all, he recognised the etymology of the word *rus'* as related to the Finnish *ruotsi* (something or someone connected with rowing ships), borrowed from Northgermanic into Finnish approximately in the middle of the first millennium A. D. The author identifies this people with the inhabitants of Aland Island who were middlemen between the 'Scandinavians' and the 'Finns' owing to their linguistic and cultural competence. They started penetrating into South-Western Sweden and the Ladoga Basin as early as the end of VI century – VII century, the fact suggested by Scandinavian finds in these region belonging to this period.

В дискуссии о проблеме Руси, т. е. о формировании и перипетиях термина и его материальных соответствиях в археологически полученных наблюдениях, основные усилия были сделаны для периода, который начинается в середине IX века и кончается в начале XI. Как с точки зрения историка, так и археолога это также период, которым датируется большинство источников и который они освещают. Только случайно мы встречаемся с интересом к более раннему периоду. Если мы хотим объяснить и понять формирование ранней Руси, нужно, однако, попытаться проанализировать также и период до середины IX века.

Очень важным основанием для дальнейшего является признание этимологии слова «русь» как родственного финскому *ruotsi* (*rotsi). В таком случае, слово в конечном счете северогерманское и обозначает что-то или кого-то, связанного с гребными судами. Нет другого лингвистически корректного решения этой проблемы. Хотя и невозможно для лингвистов дать точную дату для перехода этого слова из северогерманского в финский, они могут делать основательные догадки. Вероятная дата лежит в интервале перед 800 г. н. э. и, пожалуй, серединой первого тысячелетия н. э.

Обратимся сперва к ситуации в Балтийском регионе для этого времени. Нам особенно интересны указания на контакты между северогерманским миром материковой Швеции и финским миром на Юго-западе Финляндии и в Эстонии. Мы не знаем, существовали ли другие группы в этих двух областях, но у нас есть основания полагать, что скандинавы и финны доминировали в этих двух областях соответственно. Было бы, однако, анахронизмом говорить

о скандинавах и финнах, поскольку народы, жившие по обе стороны моря, скорее всего, представляли себя членами менее крупных социальных объединений, часто связанных с конкретным регионом. Из практических соображений далее будут всё же использоваться термины «скандинавы» и «финны».

Обменные отношения явно существовали и до римского железного века. Господствующие семьи по обе стороны обменивались драгоценными украшениями, оружием и, вероятно, одеждой в качестве даров. Вполне вероятно, что вещи из органических материалов, не сохранившиеся как археологические источники, также играли роль в этих отношениях, например, меха. Могли практиковаться и брачные связи, хотя лишь немного указаний на них может быть собрано из преобладающего археологического материала этого периода – погребений.

В VI веке эта картина внезапно изменяется. Есть, по меньшей мере, две причины для этой перемены. Аландские острова, ранее населенные маленькой популяцией, занимавшей главным образом охотой и рыбной ловлей, получили значительное количество иммигрантов с запада, т. е. из материковой Швеции. Очень быстро остров оказался густо заселен популяцией земледельцев и скотоводов. Утверждение этой популяции на Аландских островах оказало решающий стимулирующий эффект на обменные отношения между финнами и скандинавами.

В последующие столетия отношения стали очень тесными, и эта тенденция не в последнюю очередь видна по находкам финской керамики на Аландских островах и в материковой Швеции. Более ранние показатели связей – свиде-

тельства обмена украшениями и оружием – тоже продолжали увеличиваться. В конце VI века даже стандартные аксессуары женского костюма в ЮЗ Финляндии, ранее включавшие главным образом формы, развившиеся из балтийских (балтских?), стали копиями скандинавских. Это может рассматриваться как хороший показатель степени близости. Особого интереса заслуживает встречаемость в VI веке важных скандинавских находок также в Эстонии, прежде менее интегрированной в обмен.

Возможно, более красноречивым является ряд находок с Финского залива и из Приладожья. Внутренние части залива (от Ханко на северной стороне и Нарвы на южной стороне) были обитаемы редким населением охотников-собираателей, от которых мы еще практически не обнаружили археологических следов. Интерпретация этих находок как скандинавских артефактов сложна, но мы можем утверждать, что весь залив и озеро Ладога были включены в сеть, связанную с западом. Роль этих находок, как подчеркнуто выше, остается несколько неопределенной, но вероятное объяснение состоит в том, что скандинавы, учитывая неблагоприятные охотничьи ресурсы на Аландах и в материковой Швеции, распространили свои экспедиции в глубь внутренних частей залива и за него. Для аландцев путешествие было не очень долгим и вполне безопасным – через архипелаг к Финляндии и дальше на восток вдоль берега. Сильную заинтересованность в мехах можно предположить, исходя из развития на Аландах особого погребального обряда, включающего глиняные изображения бобра и, возможно, также бобровых лап. Этот обряд был введен уже в начале VII века.

Очевидно, аландцы стали важным звеном в социально-экономических отношениях между финнами и скандинавами. Примечательна была открытость общества на Аландских островах. Известен целый ряд погребений с отчетливыми финскими формами украшений, указывающих на абсолютно финский костюм. Видимо, на восточном скандинавском побережье и на больших островах Балтики были частым явлением смешанные браки с нескандинавами, но в материале погребений эти индивиды невидимы. Разительный пример – остров Готланд, население которого имело тесные связи с восточным побережьем Балтики. Это может указывать, что аландцы стали опытными посредниками, обладающими языковыми и культурными знаниями для обмена с финнами.

Легко заключить, что социальная среда этого типа, развивающаяся с конца VI века на Аландских островах, образует очень вероятную основу для развития термина *ruotsi* (*rotsi), обозначающего пришельцев, появляющихся в Юго-Западной Финляндии со своими характерными судами. Затем, также очень похоже, что применение термина быстро распространилось сре-

ди более далеких финских групп в Финляндии и Эстонии. Как глубоко он проник на восток в это время, неясно, но скандинавские находки VI и VII веков в Приладожье позволяют предполагать, что и здесь этот термин мог использоваться уже очень рано.

С точки зрения культурной преемственности разные ученые очень по-разному трактовали популяции, жившие дальше к югу от Финского залива и Ладоги – в бассейнах Ильменя и Чудского озера. Альтернативами были местное финское культурное развитие или славянская иммиграция в V и VI веках. Гидронимика этого района – финская, что является сильным аргументом в пользу первой альтернативы. По моему мнению, можно считать сильными чисто археологические аргументы в пользу преемственности местной культуры от лишь слабо представляемой стадии до длинных курганов, а для Поильменя дальше к стадии сопки. Неразумно прибегать к идее большой миграции для объяснения каждой фазы изменений в материальной культуре. Здесь не место обсуждать этот решающий вопрос, но очень ранние датировки комплекса длинных курганов делают маловероятной широкую волну славянской колонизации для того времени, когда славянские группы в значительном числе начали продвигаться к западу и юго-западу в Центральную Европу и на Балканский полуостров.

Способ расселения этой популяции был таким: мелкими скоплениями рассеянных мелких поселков, состоящих – за редкими исключениями – только из нескольких усадеб. Основой общества в плане экономики было земледелие и скотоводство со значительным сектором охоты и рыболовства. Технология железа была простой, а бронза сравнительно мало применялась. В начале есть некоторые указания на оживленные внешние контакты. Хорошо развитую социальную иерархию нельзя вывести из археологических наблюдений. Напротив, всё свидетельствует об обществе со слабыми различиями по вертикали или отсутствием таковых.

Для VIII века наблюдаются существенные структурные перемены в погребальном обряде – как господствующая форма погребения возникает курган типа сопки. Огромные сооружения с их характером коллективных усыпальниц и их значительным числом (сегодняшние представления о сопках, несомненно, сильно преуменьшают их из-за многовековой распашки и т. п.) не свидетельствуют о большой стратификации общества в целом. Только некоторые курганы на Нижнем Волхове дают погребальный инвентарь престижного характера. Одновременно происходят изменения в архитектуре домов и расположении местонахождений. Сколь радикальны эти изменения, в настоящее время трудно определить. Трудно также определить, является ли новый тип дома культурным заимствованием с востока, юга или запада. Как уже от-

мечено, мы рассматриваем культуру сопок как местное развитие.

В Балтийском регионе VII и VIII века узрели дальнейшее развитие контактов между землями к западу и востоку от моря. Вначале это была консолидация обмена между ЮЗ Финляндией и Скандинавией на западе. Во всяком случае роль обитателей Аландских островов в этих обменных отношениях возросла. Однако вероятно было бы неправильным думать, что только аландцы были активны в этом регионе. Южнее, в Курляндии, это тоже был период утверждения скандинавского населения. Древнейшие западнофинские поселения в Карелии датируются концом VIII века. В VIII веке расширилась территория путешествий скандинавов в земли за Финским заливом, и обмен с носителями культуры сопок начался в этом веке, если не раньше. Также вероятно, что финский термин *tuotsi* стал известен носителям культуры сопок. Впрямь, очень похоже, что он проник далеко вглубь территории.

Во второй половине VIII века было основано важное поселение в Старой Ладогe (Земляное Городище). Находки из окрестностей и нижних слоев этого поселения указывают, что оно имеет и более раннюю историю и, возможно, посещалось скандинавами до возникновения самого поселения. Это поселение Старая Ладога с самого начала было с культурной точки зрения очень разнородным. Главные компоненты – местное население культуры сопок и скандинавской культуры. В соответствии с традицией ученые пытались определить, что тут какому культурному элементу принадлежит, и Старая Ладога рассматривалась как место встречи культур. Когда мы рассматриваем развитие термина *русь*, напрашивается другая интерпретация. Поселение Старая Ладога, возможно, прямее отражает культурную общность, обозначающую новое значение термина. Ядром этой общности, вероятно, были скандинавы, но она была открыта и для других, и местное финское население явно играло решающую роль. Люди, жившие здесь, вероятно, были в основном двуязычны, и указанием на это является тот факт, что имя, ранее использованное финнами для скандинавов, было теперь использовано населением Ладоги для обозначения самих себя.

По данным мусульманских и западных источников, датируемых первой половиной IX века, это было общество с выделившейся элитой и с торговыми агентами, действующими на широкую ногу. По данным тех же источников и по археологическим данным, правомерно полагать, что в этот период (во вторую половину VIII века и первую половину IX века) скандинавские торговцы достигли даже верхней Двины (Западной) и бассейна Волги. На основании появления восточных бус и древнейших находок дирхемов нужно заключить, что эти торговцы дос-

тигли и хазарской территории или еще более далеких земель, или же где-то в Поволжье встречали агентов торговли, базирующейся на Среднем Востоке. Открытие этого пути должно было иметь огромное значение для общины, сидящей в Старой Ладогe и для окрестности. Если раньше она была отдаленным районом со значительными трудностями для поддержания своих обменных контактов с западом, то теперь она оказалась хозяйкой важного торгового пути между Балтикой и хазарами с халифатом за ними.

Вот период, когда русы стали известны из мусульманских источников, как уже сказано, и важнейшим здесь является упоминание руси во франкских анналах в 839 г. Этот источник дает ряд интересных и важных фактов большого значения для нашего понимания вопроса о руси к середине IX века. Русь теперь оказывается видом государственного образования с правителем. Этнический характер очевидно был сложным и трудно понятным. Только когда франки допросили русов, те определили себя как свеев (шведов), чтобы сделать понятным свое ближайшее родство. Если бы они в самом деле были шведами из Средней Швеции, это было бы легко установлено. После миссионерского путешествия (первого) Св. Ансгара в Швецию свеи и их король были, конечно, хорошо известны разным чиновникам при дворе Людовика Благочестивого.

Как велик был компонент аландцев в составе русского общества, трудно определить, поскольку так мало погребений дошло до нас от этого периода, например, в Старой Ладогe. Позднейшее движение аландцев в Восточную Европу (см. ниже) может свидетельствовать, что доля аландского компонента была значительной.

В таком случае для этого времени Русь можно рассматривать как полиэтничное сообщество с элитой скандинавского происхождения, контролирующей ряд местных групп, главным образом поставляющих меха для большой торговли. Обмен с этими группами был, вероятно, реальным обменом, хоть он шел и не на равных и, возможно, сила также играла некоторую роль. Местные группы получали бусы и железные изделия. Важными статьями импорта были также одежда и другие металлы помимо железа.

Интересную модель, поясняющую, как это могло быть реализовано в археологическом контексте, дают результаты раскопок в Крутике чуть южнее Белого озера, хоть он датирован и несколько более поздним периодом. Здесь мы видим концентрацию местного населения, явно сильно втянутого в охоту за мехами. Находки и контексты свидетельствуют даже, что их регулярно посещали сборщики дани. Вероятно, это был очень распространенный образ жизни в обширных районах территории, на которую претендовала Русь. Однако этот образ жизни имел варианты, и мы встречаем другую среду на Сар-

сом городище примерно в 200 км от Крутика. Это региональный укрепленный центр, гнездо местного повелителя. Он мог иметь более независимую позицию, чем вепсская группа в Крутике. Находки на Сарском городище указывают, что этот регион уже в конце VIII века был включен в обменную сеть Руси.

Было бы неправильно понимать эту систему эксплуатации северной лесной зоны как полностью охватывающую систему. Похоже, скорее, что усилия предпринимались там, где можно было легко добиться успеха и где можно было лучше удовлетворить заинтересованность в мехах и, разумеется, также в продуктах питания, которые были необходимы, чтобы Русь могла продолжать свой образ жизни. Они также сосредоточивались в ключевых местах на важнейших торговых путях сообщения. Правящая элита также обменивалась и торговала с западом. Среди прочего импорт оружия и металлов был также очень важен.

Апогей этой структуры русской власти – первая половина и середина IX века. После середины века наступают большие перемены. Мы теперь входим в фазу, от которой есть информативный и подробный, хотя и в некоторых аспектах чрезвычайно недостоверный источник – Несторова летопись. Здесь не место обсуждать разные структурные части древнейшего раздела летописи. Что важно здесь, это подчеркнуть важную сторону проблем летописи. Это в большой мере документ, составленный с целью рассказать историю успеха Рюриковичей, и как таковой он является способом их легитимизации как истинных и правомочных повелителей Руси. Если летопись имеет исторически верное ядро, которое по многим причинам представляется похожим на истину, оно гласит, что Рюрик был узурпатором, утвердившим себя и свою семью у власти лишь после нападения на более раннюю династию и ее уничтожения. Утверждения, что Рюрик и русь прибыли как приглашенные правители по заключении договора с местной аристократией, крайне маловероятны. Русь как социальный агрегат и политическая институция существовали раньше в Северо-западной России, и весьма трудно проследить местную аристократию. Местная социальная структура была совершенно другой.

Наиболее вероятно, что в плане внутренней структуры последствия взятия власти были суровыми для русского общества. Новые правители привели с собой своих сторонников и вассалов, и население Руси увеличилось. Название же их политического владения сохранилось неизменным. Были трудности со связями со Средним Востоком и Хазарией. Поток дирхемов на Русь и через Русь фактически прекратился. Новой чертой правящей ныне элиты были ее намерения распространить господство Руси на юг. Русы были хорошо известны также в Поднепровье уже до середины IX века. Их имя было

усвоено византийцами и мусульманами в славянизированной форме.

Теперь мы можем проследить становление нескольких поселений в междуречье Днепра и Двины, позже превратившихся в центр у Гнездова под Смоленском. Это также период, когда на территорию по соседству с позднейшим Ярославлем на Верхней Волге имела место массовая миграция скандинавов, из которых у многих были специфически аландские культурные традиции. Как в точности эта миграция происходила, неизвестно, но очень похоже, что она была как-то связана с новой структурой политического формирования Руси. Новые поселения на Верхней Волге, с их особым культурным колоритом, максимально поддерживают информацию мусульманских авторов, утверждающих, что в это позднее время были две или три различных группы Руси.

В 880-х гг. Русь распространила свое владычество от междуречья Днепра и Двины вниз в Поднепровье. Киев был взят и превращен в их наиболее важную крепость. Это очень хорошо согласуется с археологически документированным быстрым ростом Киева около этого времени. К этому времени у Руси были постоянные интенсивные контакты со славянами повсеместно в Среднем Поднепровье. Мусульманские источники интересным образом повествуют об особом этническом характере Руси в это время. Из соображений большей частью, вероятно, практических, социальных и экономических многие славяне превратились в Русь, чтобы повысить свой статус.

Можно спросить: когда впервые Русь встретила славян, и каков был характер этих контактов? Как показано выше, ответ частично зависит от интерпретации культурной последовательности в Верхнем Поднепровье и дальше к северу. Поскольку трудно различить разные свидетельства славянской экспансии в эти земли до конца IX века, в первые фазы своего существования Русь прежде всего взаимодействовала с финскими и балтскими группами. Как я уже отметил, вполне вероятно, что русские торговцы уже гораздо раньше стали известны славянским группам южнее Днепро-Двинского междуречья. Это могло произойти уже в конце VIII века или в начале IX.

Мы не будем обсуждать дальнейшее развитие этих связей, когда очень скоро установилось интенсивнейшее взаимодействие между славянами и скандинавами и когда значительные славянские группы осели в политических и экономических центрах древнерусского владения дальше к северу. Это гораздо менее загадочный процесс, и он развивался параллельно со славянской экспансией в IX, а более всего в X и XI вв. к северу от Полесья на западе до верхнеокского бассейна на востоке. Нам остается только заметить, что значение термина Русь снова изменилось, но на сей раз в последний раз. В

течение X в. русская элита всё теснее связывалась со славянскими лидерами и преобладающий скандинавский налет был заменен славянской и византийской традициями. Следствием этого было то, что Русь уже нельзя было вообще идентифицировать со скандинавами, и для скандинавов был создан новый термин в виде слова «варяг» и, возможно, также «колбяг».

Очень сложный процесс формирования русского государства в России и роль, сыгранная скандинавами, могут получить объяснение и поняты только, если мы рассмотрим ряд различных источников. Несомненно, археология может внести существенный вклад с данными материальной культуры, и этот материал может быть особенно важен для ранних фаз процесса. Меняющееся значение термина «русь», которое можно вывести из лингвистических и исторических источников, поддерживается археологией. Когда мы рассматриваем эти измене-

ния – от термина, описывающего скандинавского пришельца в финской среде, к организованной скандинавской элите вместе с финскими группами и к государственному образованию, возможно посылающему послов к императору греков – мы должны учитывать, что эти изменения заняли определенное время. Но отрезки времени значительны и достаточны, чтобы сделать эту последовательность событий правдоподобной.

Особой чертой Древней Руси является специфическая структура широко растянутой сети крепостей и центров, контролирующих районы дани вне зависимости от этнического характера. В этом отношении Древняя Русь отлична от других государственных образований того же времени в Европе. Процесс формирования древнерусского государства может быть очень важным поприщем исследований для тех, кто хочет глубоко понять Россию.